

АНАЛИЗ И ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ МИРОВЫХ МОДЕЛЕЙ РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ¹

Топчиев Михаил Сергеевич, кандидат политических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: dc_mail@bk.ru.

В статье выстроена типология моделей государственно-конфессиональной политики, в основе которой лежат две глобальные мегамодели – клерикальная, где идеология определенной конфессии становится государственной, а государство – теократическим, и светская, включающая в себя все разнообразие вариантов взаимоотношений религии и власти: сепарационную модель, построенную на принципе универсализма, кооперационную и идентификационную модели, основывающиеся на принципе дифференциализма. Мировой опыт оказал несомненное влияние этих моделей на современную российскую государственно-конфессиональную политику, которая, однако, в силу исторических традиций и современных политических реалий юридически находится в рамках сепарационной модели, а политически – в рамках кооперационной модели с учетом попыток включения в законодательство пункта о традиционных для России религиях.

Ключевые слова: модели, государственно-конфессиональные отношения, межконфессиональные отношения, клерикальная модель, светская модель

ANALYSIS AND TIPOLOGIZATION OF THE MAIN WORLD MODELS OF REGULATION OF THE STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

Topchiev Mikhail S., Candidate of political sciences, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatischev st., e-mail: _dc_mail@bk.ru.

In article the typology of models of state and confessional policy is built. At the basis this typology lies two global megamodels – clerical where the ideology of a certain faith becomes state, and the state – theocratic, and secular, including all a variety of options of relationship of religion and the power is built: the separation model constructed on the principle of a universalism, the cooperation and identification models which are based on the principle of a differentsializm. World experience has undoubted impact of these models on modern Russian state and confessional policy which, however, owing to historical traditions and modern political realities legally is in a framework of separation model, and politically – within cooperation model taking into account inclusion attempts in the legislation of point on religions traditional for Russia.

Keywords: models, state-confessional relations, interfaith relations, clerical model, secular model

Политикой в сфере регулирования конфессиональных отношений можно назвать такое пространство политики, в рамках которого вырабатываются принципы отношений между субъектами религиозного пространства. Таковыми являются все, кто имеет более или менее ясные интересы в области религии, религиозной жизни или идеологии, созданной на основе религиозного мировоззрения. Религиозное пространство является ландшафтом, на котором возводится религиозный комплекс [16]. Будем называть эту политику условно, конфессиональной, а не религиозной, политической, поскольку, этот термин более соответствует политологическому рассмотрению

¹ Статья написана при поддержке РГНФ. Проект № 12-33-01411/12 «Проблемы и перспективы развития конфессиональных отношений в полиэтническом регионе на примере Астраханской области и Северного Прикаспия».

данной проблемы. Конфессиональная политика является сознательным регулированием области религиозных отношений при принятии необходимых решений по всем вопросам, относящимся к функционированию в обществе различных конфессий.

Государственно-конфессиональные отношения в каждом конкретном историческом случае представляют собой определенную систему, местами складывающуюся стихийно, местами изначально идеологически обоснованную. Концептуальное обоснование в любом случае является необходимым для функционирования такой системы. Теоретически концептуальные варианты государственно-конфессиональных отношений исследователи представляют в виде различных моделей. Однако заметим, что в большинстве случаев речь идет о государственно-церковных отношениях. А. Николин рассматривает три типа взаимоотношений государства и церкви, в основу которых он положил, с нашей точки зрения, систему взаимоподчиненности институтов – государственного и церковного. Первый тип взаимоотношений предполагает, что государственная власть присваивает себе функции церковной (что характерно для Великобритании); второй – подчинение государства интересам церкви (Ватикан); третий тип соответствует союзу церкви и государства (что образно озвучено в РПЦ как «симфония» властей) [12, с. 13–15].

И.А. Куницин создает свою типологию на основе правового статуса данных отношений. Он выделяет три типа взаимоотношений государства и церкви: моноконфессиональный тип взаимоотношений, когда в государстве только одна религия (Ватикан); дифференцированный тип взаимоотношений, когда религиозные объединения имеют разный статус в обществе. Положение религиозного объединения может быть государственным, когда церковь освобождена от налогов (как, например, англиканская в Великобритании); может быть договорным, когда объем прав и обязанностей зависит от условий, которые ставит государство (как, например, католическая церковь в Италии и Испании), и традиционным, когда правовые нормы религии закреплены в законодательстве (как, например, православная церковь в Болгарии). Третий тип – это универсальный, который предполагает равные права между всеми конфессиями (это проявляется в США, Японии, Франции) [7, с. 94–99].

По мнению С. Шутовой, тип модели зависит от дифференциации политических и религиозных институтов, от степени, численности последователей религиозного объединения, от национального состава государства, от степени организованности религиозных объединений, от целей и задач государственного управления [22].

А.В. Логинов выделяет «клерикальную», «протекционистскую», «либеральную» и «атеистическую» модели конфессионально-государственных отношений. При этом «клерикальной» модели, существовавшей на территории Российского государства наиболее длительное время (с X по начало XX в.), с его точки зрения, соответствуют три периода: древний, патриарший и синодальный [8].

В типологии Ж.Т. Тощенко, не совсем корректной, с нашей точки зрения, базовым является тип государства, который определяется на основе положений Конституции государств (идеологии) и реальной практики. Он выделяет 7 групп (типов) государств: 1) теократический, 2) государства с господствующей религией, 3) поликонфессиональные государства, 4) светские государства, 5) государства и конфессиональные и религиозные, 6) государства, где во имя политических интересов возрождаются этапы, которые они прошли, 7) государства, декларирующие себя как светские, но пораженные клерикальными процессами [17].

Свою классификацию предлагает и Вернон ван Дайк, выделяя четыре типа государств:

- 1) государства, признающие известную автономию религиозных групп от политических и образовательных институтов;
- 2) государства, в которых правительства поддерживают религиозную активность (принимая, например, в свое легитимное поле право религиозных сообществ участвовать в образовании, защищать существующие религиозные институты от попыток увлечь их членов новыми религиями, то есть от прозелитизма и т.д.);

- 3) государства, где религиозные сообщества представлены в правительстве;
- 4) теократии, где доминирует единственная конфессия, а религиозная принадлежность определяет основные свойства и особенности политической, правовой и социальной системы страны [1, с. 53–87].

Систематизировав и проанализировав вышеприведенные типологии, мы приходим к выводу о том, что, выстраивая типологию моделей политики государственно-конфессиональных отношений, изначально можно выделить две глобальные мегамодели – клерикальную и светскую, включающие в себя все разнообразие вариантов.

В клерикальной мегамодели идеология определенной конфессии становится государственной, а государство теократическим, с религиозно-политической регламентацией всех сторон жизни социума.

Основными признаками данной модели, по мнению Ж.Т. Тощенко, являются жесткая религиозно-правовая регламентация жизни вплоть до религиозных праздников, главенство норм религиозного права, политическое лидерство религиозных деятелей, максимальное вытеснение других религий из общественной жизни, «преследование по религиозным мотивам, активное вмешательство в сферу образования и культуры» [17]. С нашей точки зрения, в типологии она выстраивается как мегамодель.

Светская мегамодель более вариабельна и включает различные модели взаимоотношения религии и власти. В их основе лежат два принципа – универсальный и дифференцированный [9, с. 120–122]. В светских государствах исторически выстраивались различные модели таких отношений. С точки зрения политических процессов, наиболее общепринятыми являются сепарационная, кооперационная, идентификационная модели. Следует учесть, что одни и те же страны разными исследователями включаются в различные типологии моделей.

Далее мы будем проводить анализ на основе классификации моделей, предложенной С.Ц. Феррари: система отделения (сепарационная модель), система конкордата (кооперационная модель), система государственных церквей (идентификационная модель) [19, с. 111].

В *сепарационной* модели, основанной на принципе универсализма, на формальном уровне наиболее ясно и понятно декларируется отделение религии от государства, сведение ее роли в обществе лишь к институту, реализующему частные интересы граждан [4, с. 89]. Однако существует система взаимодействия между государством и религиозными организациями в законодательной сфере – организация, регистрация, контроль за соблюдением законности, охраны прав верующих и т.д. Такая модель характерна, прежде всего, для государств, изначально складывавшихся как поликонфессиональные. Наиболее репрезентативна эта модель в США. Мозаичность религиозного состава в каждом штате и необходимость предотвращения конфликтов на религиозной почве привела к принятию в 1791 г. первой поправки к Конституции США, ограничивающей права Конгресса устанавливать или запрещать какую-либо религию: «Конгресс не должен издавать законов, устанавливающих какую-либо религию, или запрещающих ее свободное вероисповедание» [15, с. 29].

Казалось бы, сепарационная модель осуществляет либеральные стандарты в отношении религиозной свободы и рассматривает религиозное поле как свободный рынок, регулируемый только конкуренцией, однако он, как и любой рынок, зависит от финансовых структур. В этой ситуации именно нетрадиционные культы более щедро финансируются и становятся более конкурентоспособными по сравнению с традиционными. «Государство же, придерживающееся политики религиозной индифферентности, оказывается во власти идеологии квазирелигиозного характера» [9, с. 132].

Сепарационная модель не исключает взаимодействия религии и политики. По мнению профессора политологии университета Флориды Кеннета Д. Уолда, конституция США, установив светскую систему власти, исходила вовсе не из атеистических побуждений и не из желания оградить общество от религии. Он считает, что такая модель, по его мнению, способствует активизации религии более, нежели в странах с узаконенной государственной религией [18].

Кроме США сепарационная модель действует во Франции, Японии. Франция тоже декларирует отделение государства от церкви, основанное на законодательстве 1905 г. [6], подкрепляемое новыми законодательными актами, как, например, запрет на демонстрацию религиозной символики в школах (март 2004) [5]. Но, как утверждает президент комиссии по светскости 2003 г. Б. Стази, требования светскости «должны сочетаться с разумными приспособлениями, направленными на обеспечение достойной жизни сообщества всех жителей» [14, с. 31].

Во Франции не существует законодательства, запрещающего те или иные религиозные культы, хотя термин «культ» используется. «Во французской модели религия рассматривается в качестве частного дела граждан, выходящего за рамки интересов государства» [2]. Однако определенные формы взаимодействия государства с религиозными организациями, тем не менее, существуют.

Как мы видим, сепарационная модель ориентирует политику государства на светскую регламентацию социальной сферы.

Идентификационная и *кооперационная* модели основаны на дифференциалистском принципе неравнозначного подхода государства к различным религиозным объединениям. В *идентификационной модели* признается наличие государственной церкви, но государственная политика и идеология не становятся клерикальными, хотя так называемая государственная конфессия принимает активное участие в политической жизни страны посредством ее представительства в государственных органах.

Такая модель реализуется, например, в Греции, Англии, Дании, Исландии, Норвегии, Швеции. Хотя такая система государственно-конфессиональных отношений рассматривается рядом исследователей как реликтовое явление [10], статус государственной церкви дает ей ряд привилегий, в том числе и право на приоритетное участие в политической жизни страны, вплоть до высших государственных должностей для религиозных иерархов [9, с. 125]. Взамен государство оставляет за собой право вмешиваться не только в социальную, но и во внутриконфессиональную деятельность церкви [11]. Остальные религиозные организации имеют ограниченный статус.

При кооперационной модели сохраняется принцип свободы совести, то есть выбора гражданами религиозной и мировоззренческой ориентации. А.В. Логинов выделяет три вида правового положения религиозных объединений: статус государственной церкви, договорный (консенсуальный) статус и статус официально признанных (традиционных) конфессий [9, с. 120–122]. Однако нам кажется, что логичнее выделить первую позицию в самостоятельную (идентификационную) модель.

Кооперационная модель взаимоотношений государства с религиозными объединениями предполагает систему сотрудничества, кооперации государства и религиозных организаций, практически не зависящую от политического устройства общества, так как «в ее идеальном варианте государство и религия (в лице церкви) являются равными партнерами» [22, с. 56]. В рамках данной модели считается, что сотрудничество между государством и религиозными объединениями создает каналы более оптимального регулирования этих отношений. В рамках данной модели подразумевается защита ведущих конфессий при сохранении основных гражданских прав религиозных меньшинств. Кооперационная модель является достаточно распространенной в Европе (Италия, Испания, Германия). В ее основе лежит двусторонний договор между государством и той или иной религиозной организацией, четко определяющий права и обязанности сторон. Причем религиозные организации не обязательно должны быть поставлены в равные условия, главное, чтобы договор не нарушал права других конфессий. Это может быть, например, Конкордат между Ватиканом и государством о привилегированном положении католической церкви как в Италии, Австрии, Испании, Португалии. Областью договора являются не конфессиональная проблематика, а социальная сфера.

Как особый вариант кооперационной модели можно рассматривать системы государственно-конфессиональных отношений, в которых существуют религии, официально обладающие статусом традиционных (например, Болгария, Литва, Финляндия, Австрия, Бельгия). Сложность в данном случае в определении, какие конфессии

являются традиционными, а какие нет. Очень часто этот вопрос из историко-религиозной сферы переходит в сферу политическую. Вопрос о традиционных религиях может ставиться и при официальной сепарационной модели, как в Болгарии, где традиционным является восточно-православное вероисповедание. В Литве при официальной свободе и отсутствии государственной религии официально признано десять традиционных религий [13]. В Финляндии по закону № 521 от 1969 г. две традиционных церкви, в Австрии Конституция 1867 г. признала шесть традиционных церквей и т.д. Хотя, в отличие от государственной церкви статус традиционной или признанной религии не дает прямой государственной поддержки, тем не менее, определенные преференции он предоставляет.

По мнению Т.Г. Человенко, в современных условиях кооперационная модель государственно-конфессиональных отношений является наиболее оптимальным регулятором конфессионально-государственных отношений [20].

Таким образом, мировой опыт показывает, что существует весьма широкий и достаточно гибкий спектр механизмов взаимосвязи государства и религиозных объединений, который определяется либо современной государственно-конфессиональной политикой того или иного государства, либо исторически сложившимися отношениями, либо является результатом социально-политических реформ и революций. Однако глобализационные процессы изменили современную картину мира и несколько пошатнули традиционно устоявшиеся модели государственно-конфессиональных отношений.

«Подобно тому, как в свое время окончание холодной войны привело к возникновению новой геополитической реальности, глобальное перемещение людских потоков формирует сегодня новую георелигиозную реальность. Индусы, сикхи и мусульмане сегодня составляют часть религиозного ландшафта Великобритании; мечети в Париже и Лионе, буддистские храмы в Торонто, а сикхские гурдвары – в Ванкувере» [23]. Эти процессы не обошли стороной и Россию.

Политика в сфере конфессиональных отношений в России представляет собой весьма сложный процесс, обусловленный, с одной стороны, историческими реалиями системы взаимоотношений церкви и государства, как в дореволюционной России, так и в СССР, с другой, функционирующей на настоящий момент моделью государственно-конфессиональных отношений, подкрепленной законодательной системой.

Модель государственно-конфессиональных отношений России претерпевала в течение XX столетия существенные изменения – от наличия государственной церкви в период до 1917 г. (самодержавие, православие, народность) до крайней формы сепарационной модели, секулярного государства, отрицающего традиционную религию, но одновременно превратившего свою идеологию в квазирелигию.

В постперестроечный период формируется модель светского государства, не стоящего на позициях атеизма. На современном этапе наше государство юридически находится скорее в рамках сепарационной модели, нежели какой-либо другой. Причем некоторые исследователи считают, что это наиболее жесткая сепарационная модель [3, с. 151].

Однако наличие сепарационной модели и ее законодательное закрепление гарантирует только некий минимум равноправия, а дальше начинается собственно политическая сфера.

Список литературы

1. Dyke Vernon van. Human Rights, Ethnicity and Discrimination / Vernon van Dyke. – Westport, 1985. – P. 53–87.
2. Бабошина Е. В. Правовая политика стран Западной Европы в сфере конфессиональных отношений / Е. В. Бабошина // Философия права. – 2010. – № 1.
3. Верховский А. Конституционно-правовые основы светскости в России и споры вокруг ее интерпретации / А. Верховский // Религия и светское государство.

Принцип *laissez-faire* в мире и Евразии / под ред. А. Агаджаняна, К. Русселе. – Москва, 2008.

4. Дворэм К. Свобода совести: модель США / К. Дворэм; под ред. В. Еленского. – Киев, 1996.

5. Закон № 2004-228 от 15.03.2004 г. «О применении принципа светскости относительно ношения в школах, колледжах и общественных местах знаков или предметов одежды, проявляющих религиозную принадлежность» // Понкин В. И. К столетию закона о разделении церквей и государства. – Москва, 2005.

6. Закон Франции от 9.12.1905 г. «О разделении церквей и государства» // Понкин В. И. К столетию закона о разделении церквей и государства. – Москва, 2005.

7. Куницын И. А. Правовой статус религиозных объединений в современной России: особенности и актуальные проблемы : дис. ... канд. юрид. наук / И. А. Куницын. – Москва, 2000.

8. Логинов А. В. Власть и вера. Государство и религиозные институты в истории и современности / А. В. Логинов. – Москва, 2005.

9. Логинов А. В. Толерантность в государственно-конфессиональных отношениях (зарубежный опыт) / А. В. Логинов // Толерантность / под общ. ред. М. П. Мчедлова. – Москва, 2004.

10. Морозов А. Равенство и конкордат / А. Морозов // НГ-религии. – 28.08.1997.

11. Морозова Л. А. Государство и церковь: особенности взаимоотношений / Л. А. Морозова // Государство и право. – 1995. – № 3.

12. Николин А. Церковь и государство (история правовых взаимоотношений) / А. Николин. – Москва, 1997.

13. Официальный портал органов государственной власти Литвы. – Режим доступа: <http://www.r-komitet.ru/law/faith/foreignn/razdel/litva-3>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. лит.

14. Понкин В. И. К столетию закона о разделении церквей и государства / В. И. Понкин. – Москва, 2005. – С. 31.

15. Религия и закон: Конституционно-правовые основы свободы совести, вероисповедания и деятельности религиозных организаций : сб. правовых актов. – Москва, 1996. – С. 29.

16. Романова А. П. Проблемы религиозного комплекса в современном теоретическом религиоведении / А. П. Романова. – Астрахань, 2001.

17. Тощенко Ж. Т. Теократия: фантом или реальность / Ж. Т. Тощенко. – Москва, 2007.

18. Уолд К. Д. Разделение и взаимодействие: религия и политика в США / К. Д. Уолд // Общество и Ценности. Электронный журнал ЮСИА. – 1997. – Т. 2, № 2.

19. Феррари С. Ц. Государство в Западной Европе: итальянская модель и мировой опыт государственно-церковных отношений / С. Ц. Феррари. – Москва, 1998.

20. Человенко Т. Г. Светскость государства: актуализация проблемы в процессе реформирования государственно-конфессиональных отношений / Т. Г. Человенко // Образование и общество. – 2006. – № 1.

21. Шутова С. Некоторые аспекты государственно-церковных отношений в России в XX веке / С. Шутова. – Режим доступа: <http://rchgi.spb.ru/Pr/bchm00/shutova.ht>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

22. Щипков А. Во что верит Россия. Религиозные процессы в постперестроечной России / А. Щипков. – Санкт-Петербург, 1998.

23. Эк Д. Новый религиозный облик Америки / Д. Эк // Вопросы демократии. Электронный журнал Государственного департамента США. – 2001. – Т. 6. – С. 16–18. – Режим доступа: <http://www.Russian.rpo.at/pdf/iss-12r.pdf>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.

References

1. Dyke Vernon van. Human Rights, Ethnicity and Discrimination. Westport, 1985, pp. 53–87.
2. Baboshina Ye.V. Pravovaya politika stran Zapadnoy Yevropy v sfere konfessionalnykh otnosheniy // *Filosofiya prava*, 2010, № 1.
3. Verkhovskiy A. Konstitutsionno-pravovyye osnovy svetskosti v Rossii i spory vokrug yeye interpretatsii // *Religiya i svetskoye gosudarstvo. Printsip laisite v mire i Yevrazii* / ed. by A. Agadzhanlyan, K. Russele. Moscow, 2008.
4. Dvorem K. Svoboda sovesti: model SShA / ed. by V. Yelensky. Kiyev, 1996.
5. Zakon № 2004-228 ot 15.03.2004 g. o primenении printsiipa svetskosti otnositelno nosheniya v shkolakh, kolledzhakh i obshchestvennykh litseyakh znakov ili predmetov odezhdy, proyavlyayushchikh religioznuyu prinalozhnost // Ponkin V. I. K stoletiyu zakona o razdelenii tserkvey i gosudarstva. Moscow, 2005.
6. Zakon Frantsii ot 9.12.1905 g. «O razdelenii tserkvey i gosudarstva» // Ponkin V.I. K stoletiyu zakona o razdelenii tserkvey i gosudarstva. Moscow, 2005.
7. Kunitsyn I.A. Pravovoy status religioznykh obyedineniy v sovremennoy Rossii: osobennosti i aktualnyye problemy. Moscow, 2000.
8. Loginov A.V. Vlast i vera. Gosudarstvo i religioznyye instituty v istorii i sovremennosti. Moscow, 2005.
9. Loginov A. V. Tolerantnost v gosudarstvenno-konfessionalnykh otnosheniyakh (zarubezhnyy opyt) // *Tolerantnost* / ed. by M. P. Mchedlov. Moscow, 2004.
10. Morozov A. Ravenstvo i konkordat // *NG-religii*. 28.08.1997.
11. Morozova L. A. Gosudarstvo i tserkov: osobennosti vzaimootnosheniy // *Gosudarstvo i pravo*, 1995, № 3.
12. Nikolin A. Tserkov i gosudarstvo (istoriya pravovykh vzaimootnosheniy). Moscow, 1997.
13. Ofitsialnyy portal organov gosudarstvennoy vlasti Litvy. Available at: <http://www.r-komit.ru/law/faith/foreign/razdel/litva-3>.
14. Ponkin V. I. K stoletiyu zakona o razdelenii tserkvey i gosudarstva. Moscow, 2005. P. 31.
15. Religiya i zakon: Konstitutsionno-pravovyye osnovy svobody sovesti, veroisповедaniya i deyatelnosti religioznykh organizatsiy: sb. pravovykh aktov. Moscow, 1996. P. 29.
16. Romanova A. P. Problemy religioznogo kompleksa v sovremennoy teoreticheskom religiovedenii. Astrakhan, 2001.
17. Toshchenko Zh. T. Teokratiya: fantom ili realnost. Moscow, 2007.
18. Uold K. D. Razdeleniye i vzaimodeystviye: religiya i politika v SShA // *Obshchestvo i Tsennosti*, 1997, T. 2, № 2.
19. Ferrari S. Ts. Gosudarstvo v Zapadnoy Yevrope: italyanskaya model i mirovoy opyt gosudarstvenno-tserkovnykh otnosheniy. Moscow, 1998.
20. Chelovenko T. G. Svetskost gosudarstva: aktualizatsiya problemy v protsesse reformirovaniya gosudarstvenno-konfessionalnykh otnosheniy // *Obrazovaniye i obshchestvo*, 2006, № 1.
21. Shutova S. Nekotoryye aspekty gosudarstvenno-tserkovnykh otnosheniy v Rossii v XX veke. Available at: <http://rchgi.spb.ru/Pr/bchm00/shutova.ht>.
22. Shchipkov A. Vo chto verit Rossiya. Religioznyye protsessy v postperestroynoy Rossii. St. Petersburg, 1998.
23. Ek D. Novyy religioznyy oblik Ameriki // *Voprosy demokratii*, 2001, T. 6, pp. 16–18. Available at: <http://www.Russian.rpo.at/pdf/iss-12r.pdf>.